

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1890.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

мѣсяци, възвратисъ съ великою побѣдою и съ многою корыстію въ землю Рускую...»¹⁾).

Подъ 1431 годомъ лѣтописи говорятъ о новомъ и рѣшительномъ по своему значенію походѣ:

«Въ лѣто 6939. Князь великій Василей посылалъ ратью на Болгары Волжскіе князя Феодора Давыдовича Пестрого; онъ же шедъ взялъ ихъ и всю землю ихъ плѣни...»²⁾).

Какъ неспеціалистъ — я не могу искать хронологическихъ указаній въ ориентации найденныхъ вещей, но рѣшаюсь замѣтить, что остатки глинныхъ и стеклянныхъ сосудовъ настолько напоминаютъ Сарайскія древности, что заставляютъ относить настоящую находку къ періоду существованія Булгара, какъ города Золотой Орды, и не думать о болѣе древней эпохѣ. Конецъ XIV столѣтія является наиболѣе вѣроятнымъ временемъ, къ которому слѣдуетъ относить найденныя вещи.

Отсутствіе именъ владѣльцевъ сосудовъ позволяетъ высказать предположеніе, что найденная утварь привозная, а не дѣлана на заказъ мѣстными мастерами, искусству которыхъ можно впрочемъ приписать мѣдный сосудъ въ формѣ чаши съ небольшимъ рыльцемъ, вокругъ котораго идетъ надпись, представляющая неразборчивое подражаніе арабскому письму.

Н. Лихачевъ.

О двухъ фельсахъ, найденныхъ около сельца Балымеръ, Казанской губерніи.

Почва *Булгара* (село Успенское въ Казанской губерніи) и его окрестностей необыкновенно богата слѣдами древнихъ поселеній. Незаливаемая полою водою терраса лѣваго берега Волги, внизъ отъ самаго Булгара и его Волжской пристани Ага-Базара, верстъ на двадцать, представляетъ слѣды сплошнаго обитанія. Городища нѣсколькихъ типовъ, селенія, отъ которыхъ остались ряды ямъ, наполненныхъ отбросами, могильникъ, въ

---

1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 72. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ походѣ см. въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи» (Казань 1877).

2) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 95.

формѣ группъ кургановъ весьма малаго объема, — чередуются другъ за другомъ и свидѣтельствуютъ если не о многочисленномъ, то во всякомъ случаѣ о постоянномъ населеніи. Русскія поселенія не охватили всѣхъ старыхъ разновременныхъ селѣтъ, которыя и обнаруживаются въ настоящее время мало по малу и случайно.

Древности, находящіяся въ самомъ Булгарѣ, необходимо отнести къ разнымъ культурнымъ эпохамъ; это несомнѣнное положеніе съ еще большею силою должно быть примѣняемо къ окрестностямъ Булгара. Въ городѣ слой ложится на слой и даже въ правильной раскопкѣ было бы трудно въ нихъ разобраться. Лѣсные же поселки, разбросанные въ глуши, позволяютъ археологу видѣть почти рядомъ слѣды двухъ разныхъ культуръ. Попытки дѣленія этихъ культуръ въ порядкѣ ихъ постепеннаго слѣдованія одна за другой вполне возможны по находящимъ вещамъ, характернымъ для той или другой эпохи. Гораздо труднѣе, можно сказать, почти невозможно, хронологическое опредѣленіе періода, къ которому относится поселеніе или могильникъ. Въ этомъ случаѣ находки монетъ, какъ цѣннѣйшихъ хронологическихъ указателей, имѣютъ особенную важность.

Въ извѣстной книгѣ С. М. Шпилевскаго отмѣчена группа кургановъ, находящаяся въ верстѣ отъ селца Бальмеры, выше по теченію р. Волги. Въ настоящее время вся эта мѣстность занята Гребенскимъ выселкомъ и всѣ курганы навсегда утрачены для науки. Стояновъ, видѣвшій ихъ въ 1870 году, не нашелъ ничего, но только потому, что отнесся къ дѣлу довольно небрежно¹⁾. Въ 1882 году мнѣ, при содѣйствіи ревностнаго Казанскаго археолога П. А. Пономарева, удалось изслѣдовать значительную часть этого могильника. Общая характеристика кургановъ — ихъ крайне незначительная величина (не было ни одного выше 2½ аршинъ), неправильная форма въ силу того, что большею частью одинъ курганъ присыпался къ другому, погребеніе безъ углубленія въ почву (хотя не на черноземѣ, а всегда на материкѣ), крайняя бѣдность содержанія (одна, двѣ вещи въ погребеніи).

Погребеній обнаружено было два типа — погребеніе тѣла въ вытянутомъ положеніи на спинѣ и трупоожженіе. При одномъ изъ костяковъ найдена желѣзная стрѣлка, при другомъ бронзовая бляшка. Въ курганѣ съ трупоожженіемъ близь остатковъ костра лежалъ согнутый въ дугу подутлѣвшій отъ ржавчины прямой желѣзный мечъ.

---

1) Шпилевскій, I, с. стр. 308 и «Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ». Приложение къ протоколу засѣданія 21 апрѣля 1871 года Общества Естественныхъ Исследователей при Императ. Казанскомъ Университетѣ.

Осенью прошлаго 1889 года при рытьѣ погреба однимъ изъ крестьянъ Гребенскаго выселка была сдѣлана находка, при помощи которой возможно приблизительное опредѣленіе эпохи погребеній съ полнымъ костякомъ. Упомянутый крестьянинъ на глубинѣ 6 четвертей отрылъ костякъ и при немъ двѣ мѣдныя монеты, которыя оказались: 1) болгарскимъ фельсомъ съ именемъ Энъ-Насиръ-Лиднъ-Аллаха, 2) подобнымъ же, перечеканеннымъ — именемъ Менгу, каана верховнаго.

Обѣ монеты весьма обыкновенны, довольно часто находятся въ Булгарѣ, и могли бы свидѣтельствовать вполне точно о томъ, что погребеніе относится ко второй половинѣ XIII столѣтія, если бы находка монетъ при костякѣ не была случаемъ исключительнымъ. Оба фельса не пробиты и слѣдовательно не служили украшеніемъ. Они могли быть обронены при насыпаніи кургана, могли находиться и раньше погребенія въ землѣ, употребленной для образованія могильнаго холма.

При существованіи въ данной мѣстности иноподобныхъ поселеній въ недавнее сравнительно время — языческій образъ погребенія самъ по себѣ не можетъ еще служить признакомъ древности въ нѣсколько столѣтій.

Не дѣлая никакихъ рѣшительныхъ выводовъ, я съ своей стороны только заявляю сообщенный мнѣ фактъ, повтореніе котораго однако можетъ послужить къ точному хронологическому опредѣленію времени дѣлаго ряда поселеній въ окрестностяхъ древняго Булгара.

Н. Лихачевъ.

Примѣръ острословія сартовъ.

Туземные жители Туркестанскаго края весьма часто перепланиваютъ непривычныя для ихъ слуха чужеземныя слова; не сумѣвъ по первому разу правильно произнести какое-нибудь русское слово, они передѣлываютъ его звуковой составъ по законамъ своей фонетикѣ, а затѣмъ, чтобы сродниться съ новымъ и непонятнымъ для нихъ словомъ, они растолковываютъ уже переиначенную форму съ точки зрѣнія своего языка. Такъ, фамилію генерала Черняева они усвоили себѣ въ формѣ «Ширнаибъ», а затѣмъ, придавъ этой формѣ значеніе «Намѣстника, представителя льва» (*Ширъ наибъ* شیر نایب) въ смыслѣ чловѣка, подобнаго льву своей неустрашимостію, храбростію и силой. Съ появленіемъ въ Туркестанскомъ краѣ